

Глава 4. Громкое потрясение

Имперская военная академия, будучи ведущим учебным заведением страны, поражала своим размахом. Ежегодные практические экзамены проводились с истинно имперским пафосом: один лишь флагман «Бесстрашный», служивший базой для учений, был способен принять на борт десятки тысяч человек. Разумеется, его внутреннее пространство казалось поистине необъятным.

Отыскать кого-то в недрах столь исполинского судна — задача не из лёгких.

Едва они взошли на борт и заняли места в парящем флайере, Лорен заметил, что его молодой господин привычным жестом взломал систему ИскИна корабля. Му Жун начал поиск, и мгновение спустя на световой панели высветился интерфейс с данными:

[Ляо Юйнин: факультет боевой авиации, набор 2687 года, гибернационная капсула 5F143C.]

Рядом с информацией о местоположении появилось стандартное фото — судя по всему, сделанное ещё при поступлении.

В Имперскую военную академию принимали строго с восемнадцати лет. Возрастной ценз иногда сдвигали в сторону увеличения, но случаи досрочного зачисления были крайне редки. За последние годы таких исключений было всего два.

Первым стал Му Жун, зачисленный в шестнадцать за выдающиеся успехи. Вторым — Ляо Юйнин, который тоже поступил в шестнадцать, но не через экзамены, а по личной милости Его Величества Императора.

По законам империи совершеннолетие наступало в двадцать, так что в шестнадцать подросток считался ещё почти ребёнком.

На том снимке лицо Ляо Юйнина сохраняло детскую припухлость, глаза сияли живым блеском, а контуры лица — мягкие и послушные — придавали ему сходство с фарфоровой куклой, чью половую принадлежность с ходу и не определишь.

— В детстве Нинин был просто очарователен, — с придыханием проговорил Му Жун, не отрывая взгляда от портрета.

«Что-то не припомню, чтобы эта очаровательность помешала вам тогда власть над ним поиздеваться», — проворчал про себя Лорен. Судя по всему, молодой господин напрочь забыл о собственных былых «подвигах». Впрочем, для него это было в порядке вещей: Му Жун легко загорался интересом к чему-либо, но редко принимал это близко к сердцу. Вселенная широка, космос бескраен, и фокус внимания его господина постоянно смещался — обычному человеку было трудно оставить в его жизни сколь-нибудь значимый след.

— Кажется, теперь я люблю его ещё сильнее, — добавил Му Жун.

Лорен промолчал.

Флайер поднялся к пятой палубе и направился к заданным координатам. Однако, не долетев до отсека с капсулами, Му Жун внезапно ударил по тормозам.

— Молодой господин? — удивился Лорен.

Му Жун не ответил. Он застыл, во все глаза глядя вглубь коридора.

Это была внешняя галерея, вдоль которой тянулся ряд огромных панорамных иллюминаторов. Сквозь них виднелись обводы бокового крыла флагмана и далёкая холодная россыпь звёзд.

У одного из окон, заложив руки за спину, стоял молодой человек. Тот самый Ляо Юйнин, которого они искали.

Сейчас ему было двадцать два. Шесть лет стёрли с его лица детскую наивность и чистоту. Тонкая юношеская фигура обрела ту особую, скрытую силу, что сквозит в каждом движении. Даже сейчас, просто стоя неподвижно, он производил впечатление человека волевого и безупречно статного.

«Неудивительно, что в последние годы он так популярен у девушек», — с затаённой завистью подумал Лорен. Его собственный господин, хоть и обладал блестящей внешностью, отличался скверным нравом и полным пренебрежением к слабому полу, из-за чего женским вниманием был обделён.

Пока Лорен предавался размышлениям, Му Жун уже спрыгнул с флайера и размашистым шагом направился к цели. Лорен, спохватившись, поспешил следом.

Ляо Юйнин, казалось, был слишком погружён в свои мысли. Он обернулся лишь тогда, когда Му Жун подошёл почти вплотную.

— Старшекурсник Му?

Му Жун замер перед ним. Весь его боевой настрой и былая уверенность куда-то испарились, уступив место странному робкому волнению. Он нервно сжал губы и кулаки и едва слышно выдохнул:

— Нинин.

Ляо Юйнин мгновенно нахмурился. Переведя взгляд на Лорена, он немым вопросом спросил: «Что происходит?»

Лорен лишь неловко потер руки — он и сам не представлял, какой финт выкинет его господин в следующую секунду.

И тут Му Жун заговорил:

— Нинин, позволь мне открыться... Ты даже не представляешь, как сильно я тебя люблю.

Ляо Юйнин ошеломлённо уставился на него.

— Эта любовь проросла в самую мою душу, в мою кровь. Я не в силах её сдержать. Моё сердце бьётся лишь ради тебя, — Му Жун прижал правую руку к груди, преданно глядя в глаза Ляо Юйнину. — Нинин, раз уж судьба даровала нам этот шанс на воссоединение и сделала невозможное возможным... Прошу, стань моим. Давай начнём встречаться... с прицелом на брак.

Что за несусветный бред?

«Этот Му Жун — настоящий? — мелькнула мысль в голове Ляо Юйнина. — Может, это голограмма или какой-то высокотехнологичный манекен из силикона? Где-то здесь спрятана камера, и это просто глупый розыгрыш?»

Но во время практических экзаменов на военном корабле таким вещам места не было. К тому же в академии не нашлось бы безумца, рискнувшего бы так шутить над молодым господином Му.

Ляо Юйнин снова взглянул на Лорена. Тот лишь развёл руками, безмолвно извиняясь.

«Значит, у него всё-таки не все дома?»

Разве пребывание в лечебной капсуле не должно было восстановить повреждённые нейронные связи?

Этот странный взгляд, эти тошнотворно-слащавые обращения, нелепое признание... Назвать это «лёгким помутнением» было бы слишком вежливо. Да у этого парня, похоже, мозги в труху превратились после удара!

К раненому в состоянии контузии ещё можно было проявить снисхождение. Но к этому Му Жуну — физически здоровому, но явно неадекватному — Ляо Юйнин не испытывал ни капли жалости.

— Старшекурсник Му, пожалуйста, прекратите эти неуместные шутки.

— Я не шучу, — тут же горячо заверил его Му Жун. — Нинин, я предельно серьёзен!

— Прощу прощения, — холодно отрезал Ляо Юйнин, — мне пора в гибернацию. Всего доброго.

Он развернулся, намереваясь уйти.

— Нинин! — Му Жун преградил ему путь.

Ляо Юйнин обернулся, метая глазами громы и молнии.

Му Жун, казалось, оробел под этим взглядом, и его тон мгновенно смягчился:

— Нинин?..

— Не смей меня так называть! — выплюнул Ляо Юйнин.

— А как мне тебя называть? — в голосе молодого господина Му слышалась обида. — Можно «А-Нин»?

— И так тоже нельзя.

— Почему?

— Потому что мы не настолько близки.

«А-Нин» — так его называли только в семье и близкие друзья в Звездном секторе Эол. В академии лишь Линь Ци имел право на такое обращение. Слышать это от кого-то другого, а уж тем более от Му Жуна, было за гранью терпения.

— Скоро станем ближе... — не сдавался тот.

— Не станем, — отрезал Ляо Юйнин.

— Обязательно станем, — упрямо стоял на своём Му Жун. — Мы полюбим друг друга, поженимся, и у нас будет как минимум двое детей.

— Замолчи! — Ляо Юйнин вспыхнул до корней волос. Перед глазами всплыл тот злосчастный

поцелуй на планете ПД077. Какая бы часть мозга у этого придурка ни пострадала, всё происходящее было запредельно постыдным.

Он ни за что не примет симпатию от этого невыносимого типа. Даже если это временное помешательство.

Вш-шух...

Дверь напротив внезапно распахнулась, и чей-то голос позвал:

— А-Нин!

Му Жун мгновенно обернулся на звук. Только что получив отказ и будучи официально причисленным к категории «незнакомцев», он проникся жгучей неприязнью к тому, кто имел право на это интимное «А-Нин».

— Старшекурсник Му? — вышедший узнал Му Жуну и, кажется, собирался подойти поздороваться.

Но Ляо Юйнин сработал на опережение: он быстро шагнул к другу, втолкнул его обратно в комнату и, не церемонясь, захлопнул дверь прямо перед носом Му Жуну и Лорена.

Лорен лишь вздохнул. Свидетель этой нелепой и сумбурной сцены признания, он сам сгорал от стыда за своего господина.

— Кто это был? — Му Жун свёл брови к переносице.

— Это Линь Ци с медицинского факультета. Именно их спасательный челнок подобрал вас на ПД077, — пояснил Лорен. Очевидно, молодой господин тогда вообще никого вокруг не замечал.

— Линь Ци? Так это он... — К удивлению Лорена, Му Жун знал это имя. Он задумчиво потер подбородок. — Значит, они с Нинином знакомы так давно?

— Линь Ци тоже из Звездного сектора Эол. Они с молодым господином Ляо, судя по всему, лучшие друзья.

В отличие от Му Жуну, который никогда не утруждал себя социальными связями, Лорен обладал феноменальной памятью на людей. В его голове хранилась детальная сеть отношений всех, кто хоть как-то соприкасался с интересами семьи Му.

— Лучшие друзья? Насколько «лучшие»? — в голосе Му Жун явственно закипала ревность.

— Когда молодой господин Ляо только поступил в академию, он оказался в изоляции. Линь Ци был первым, кто протянул ему руку дружбы. Естественно, что для молодого господина Ляо он стал самым близким человеком здесь.

— Нинина изолировали? — Му Жун вскипел от праведного гнева. — Когда это было? Кто посмел?!

Лорен помедлил. Несмотря на странное состояние господина, он решил, что продолжать эту авантюру с преследованием Ляо Юйнина — идея плохая. Пора было вернуть его с небес на землю.

— А разве не вы, молодой господин, возглавили ту самую травлю?

Му Жун едва не подпрыгнул на месте:

— Я? Когда это я его травил?!

Шесть лет назад по указу Императора Ляо Юйнина привезли из далёкого Звездного сектора Эол в Столичную звездную систему и определили в Имперскую военную академию.

Это заведение было кузницей высших командных кадров империи. Выпускники получали не только солидный капитал, но и высокие стартовые чины, поэтому отбор в академию был жесточайшим.

Здесь учились либо дети старой аристократии, либо лучшие из лучших, прошедшие суровое сито отборов. И хотя устав требовал возраста восемнадцати лет, большинство поступало лишь к двадцати.

Шестнадцатилетний гений в таких стенах неизбежно становился мишенью для завистливых взглядов.

Му Жун с детства носил титул вундеркинда. Его отец командовал силами столичной обороны, а зять заседал в кабинете министров — против его досрочного зачисления никто не посмел пикнуть.

С Ляо Юйнином всё было иначе. Семья Ляо была просто богатыми выскочками из захолустья, бесконечно далёкими от столичных элит. Единственное, что у них было — это славное имя предка, Ляо Синшэня, «Бога Войны».

Тридцать лет назад Ляо Синшэнь пал в битве при Риггейме и был посмертно удостоен звания

высшего маршала империи — титул, который в обычное время вообще не использовался. Это был акт высшего признания со стороны Императора.

Но маршал был мёртв уже тридцать лет. Война закончилась. Имя «Бога Войны» теперь встречалось лишь в учебниках истории да звучало в торжественных речах на ежегодных парадах.

Юный Му Жун тогда не вникал в политические тонкости. Услышав, что в академии появился ещё один «гений» шестнадцати лет, да ещё и потомок легенды, он просто решил проучить наглеца.

На приветственном банкете в честь новенького Му Жун прилюдно бросил ему вызов. Тот факт, что он был на два года старше и опытнее, его совершенно не смущал.

— Не волнуйся, я буду сдерживаться. Сразимся на уровне, который был у меня два года назад. Будет честно, — заявил тогда Му Жун, искренне веря в своё благородство.

Под давлением надменного Му Жуна и при молчаливом подстрекательстве толпы, жаждавшей зрелищ, Ляо Юйнин оказался припёрт к стенке. У него не осталось иного выбора, кроме как принять этот бой.

<http://bllate.org/book/17435/1662203>